

ЕВГЕНИЯ ЭНГЛЕРТ, АННА БУХАРОВА,
АЛЯ ЧИСТОВА, НАТАЛЬЯ ГОЛЫШКИНА, ИЛОНА ВАНДИЧ,
МАРИНА ИТКИН, МАРИНА ЮШКОВА, МАРИНА
ФРИДМАН, ЕКАТЕРИНА АНТИПИНА

О чем мы никому не расскажем

СБОРНИК РАССКАЗОВ

**Анна Бухарова
Евгения Энглерт
Наталья Голышкина
Екатерина Антипина
Илона Вандич
Аля Чистова
Марина Иткин
Марина Юшкова
Марина Фридман**

О чем мы никому не расскажем. Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178790
ISBN 9785449030658*

Аннотация

Нам всегда хотелось узнать: Зачем идти диджеем на Радио Боль, Как Хранителю найти свое предназначение, Какие несправедливости постигли жильцов Пипидома, Может ли мышь побороть дракона, Почему никто ничего не понимает, Где обитают тьяры, Как справиться с отчуждением, Чем помогает Зеркало и Что произойдет, если съесть волшебную таблетку?

Авторы встретились в сообществе text_training в Живом журнале и поведали эти истории друг другу. А у вас есть история, которую вы никому не расскажете? Авторы

Содержание

Павлик	7
Если я могу это видеть	14
Радио «Боль»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

О чем мы никому не расскажем Сборник рассказов

Авторы: Энглерт Евгения, Бухарова Анна, Чистова Аля,
Голышкина Наталья, Вандич Илона, Иткин Марина, Юшкова
Марина, Фридман Марина, Антипина Екатерина

Редактор Евгения Энглерт

Иллюстратор Евгения Энглерт

Редактор Штефан Энглерт

© Евгения Энглерт, 2019

© Анна Бухарова, 2019

© Аля Чистова, 2019

© Наталья Голышкина, 2019

© Илона Вандич, 2019

© Марина Иткин, 2019

© Марина Юшкова, 2019

© Марина Фридман, 2019

© Екатерина Антипина, 2019

© Евгения Энглерт, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-3065-8

Павлик

Екатерина Антипина

До Павлика не было дела никому. Он мог хоть в лепёшку разбиться, но никто не обратил бы на это внимание. По крайней мере, ему казалось именно так.

И потому, в этот прохладный, ненастный осенний день, Павлик стоял никем не замеченный в коридоре и аккуратно дырявил стену найденным накануне шурупом. Там, в стене, был спрятан переход в другое измерение, где Павлик был бы самым нужным, самым лучшим ребёнком на свете. Там не приходилось бы совершать дурацкие поступки, чтобы только тебя заметили! Измерение было: Павлуша уже сто раз прикладывал к стене ухо в этом месте и слышал, точно слышал, ласковый мамин голос, который звал его кушать. Ещё в этом месте что-то шумело и щёлкало, слышались звуки льющейся воды и весёлые голоса взрослых. Ну конечно, какие могут быть сомнения – другое измерение было именно тут и никак иначе. Надо только дырку расширить, чтобы хотя бы кулак пролез, а там бы его всего и затянуло.

О другом измерении Павлику таинственным шёпотом однажды рассказал папа. Он говорил, что одновременно с нашим миром, существует такой же мир рядом. Но только тот мир гораздо лучше нашего: мама там никогда не ругается,

коленки, даже если на полном ходу свалишься с беговела, не сдираются в кровь, а бабушка и дедушка, такие горячо любимые, там сидят рядышком у деревенского своего дома, а вовсе не находятся в неизвестном раю, куда можно попасть только в неприятно пахнущих свежим деревом, узких ящиках.

Пашка сначала сомневался – всё же он не малыш какой-то, чтобы верить в сказки, хоть и папины, хоть и такие красивые! Но потом поверил. Поверил потому, что вскоре после этого папа исчез насовсем, но там, за стеной, он продолжал говорить и говорить с мамой, а потом они вместе хохотали совсем, как раньше, когда они ещё не кричали друг на друга шёпотом, за закрытой дверью кухни, думая, что мальчик спит.

Папа не сказал, где точно находится это другое измерение. Когда Павлик спросил у него, он только обвёл рукой комнату и сказал: оно везде. Но везде его не было. Мальчик проверял. Он долго ходил по квартире, прикладывал разгорячённую голову ухом к прохладной шершавости обоев, вслушивался в каменную тишину, но ничего не было. И только тут, в коридоре, совершенно случайно измерение открылось ему и, во что бы то ни стало, Павел решил туда проникнуть. О том, что тутошней маме не останется никакого Павлика, мальчик как-то не подумал. Ведь теперь у неё совершенно не было времени и интереса к сыну. Она рано уходила, поздно приходила, и всё время подгоняла и ворчала на него: быстрее

вставай, скорее ешь, перестань копать, опять грязные ботинки. Однажды, Павлик помнил это, мама сказала ему: как я устала! Лучше бы меня совсем здесь не было! И Павлик понял, что она тоже скучает по папе и хочет побыстрее сбежать к нему в другое измерение. И тогда тут он останется совсем один! Даже без ворчливой мамы! Это было не просто страшно, это было так непостижимо, что маленькое сердечко начало биться с отчаянной быстротой и он бежал в комнату или к телефону, чтобы проверить: здесь ли мама? Не бросила его, не исчезла, как папа? Мама была на месте. Она раздражалась неуместным звонкам сына или его быстрым душащим, счастливым объятиям облегчения. Прикрикивала и рывком освобождалась. Но она была, была тут! И это было хорошо.

Тихо сопя, Пашка пытался понемногу расширять дырочку. Маленькими пальчиками удерживать шуруп и так было сложно, а мальчик так волновался, что его могут заметить и тогда никакого измерения, а вместе с ним и папы, не будет, что ладошки его вспотели, скользкий гвоздик всё время норовил выскочить из руки и закатиться туда, откуда его было не достать. Один раз он почти завалился под плинтус и Павлик долго пытался выковырнуть его, даже немного поревел от испуга, что не сможет вернуть шуруп.

Павлуше казалось, что в неосвещённом коридоре он стоял уже целый день. Всё ковырял, ковырял, расширял дырочку пальчиком, убирая из отверстия каменную крошку и кусочки обоев. Больше всего он боялся, что не успеет и няня,

увидев, что он делает, накажет его.

Сегодня дома была только няня Лида, которой тоже не было дела до Павлика. Она все дни проводила в разговорах по телефону со своими воображаемыми подругами: как только приходила, садилась на кухне в кресло, снимала с телефона трубку, нажимала вразнобой кнопочки и долго-долго разговаривала с трубкой, задавая ей вопросы, как будто что-то выслушивая в ответ, глупо смеялась и вообще вела себя странно. Даже ему, пятилетнему мальчику, было ясно, что в трубке никого нет: он сто раз проверял. Когда Лида опускала трубку, он тут же подбегал, прислонял её, ещё теплую, к уху, но в ней была совершеннейшая тишина. Павлик дул, говорил что-то, но трубка молчала. Так он убедился, что друзья няни Лиды жили только в её воображении. Почти, как его папа жил в его голове, только папа раньше был на самом деле. И сейчас есть, за стенкой.

Няня следила за чистотой и могла здорово наподдать, поставить в угол даже за ковыряние стены. Она же не знала, что там измерение! И мальчик ни за что не сказал бы ей! Потому что тогда она могла бы пройти туда вместо него. А всем ли хватит места в другом измерении, Паша не знал. Вдруг, Лиде хватит, а ему нет... Но, что более вероятно, увидев дырку и грязь, няня отняла бы шуруп и нашлёпала.

Пашка зажал между губами язык, стал ковырять усерднее: дырочка была совсем крошечная, никак не просунуть в неё даже самый маленький пальчик, даже по ноготок он и то бы

не влез. Мальчик не замечал, что уже текли и текли солёные слёзы по лицу, капали на воротничок любимой клетчатой рубашки, которая, промокая, неприятно липла к телу. Не замечал и того, что был уже почти в голос и напуганная няня, задавшая ему несколько вопросов, не получив реакции, звонит на работу маме, чтобы та поспешила домой.

Он не замечал ничего, кроме того, что, как ему казалось, дырочка не расширяется, а сужается, срастается, не желая пропускать его, Павлика, в другое измерение, где нет места слезам и разочарованиям.

Мама Павлика приехала быстро: в середине рабочего дня улицы были практически пустыми, и такси довезло её до дома в считанные минуты. Увидев малыша, стоящего у стены, красного, плачущего так, что не оставалось сомнений: произошло что-то по-настоящему ужасное, она схватила его в охапку и стала кричать в маленькое личико: что, Паша, что случилось? Болит? Ударился? Что случилось? Она разжала с усилием сжатый кулачок, в котором был мокрый от слёз шуруп.

Пашка сбивчиво, прижавшись к ней всем телом, хриплым, от плача, голосом как заведённый повторял: не растёт, измерение, никак не попасть, я хотел, а оно, шурупик маленький, хотел дырку, чтобы мы, и теперь папы не увижу. И после этих сумбурных слов вдруг снова начинал рыдать, отчаянно, как будто случилось самое страшное, после чего нет и смысла смотреть на этот белый свет.

Мама, крепче прижимая к себе малыша, слушая что он говорит, чувствовала, как внутри как будто оттаивает что-то огромное, невыразимо вместительное, и оттаивая, заполняет собой мир, состоящий из неё и сына. Маленького отчаянного сына Пашки, поверившего в то, что за стеной не соседская квартира, а новый светлый мир без грусти, где Пашка скачет на одной ножке, обутой в сандалию, крепко схватившись за руки самых близких его людей: мамы и папы. И слышать было это вдвойне, втройне, вдесятеро страшнее от того, что она сама запретила бывшему мужу звонить малышу, надеясь, что так он быстрее забудет папу. И она забудет целый мир, который воплощали для неё Павлик и Сергей, после ухода которого её будто бы сковало льдом. И больно было даже думать, представлять себе, как Сергей ходит по тем же улицам, дышит тем же воздухом, улыбается и так же, как раньше, прерывая чтение, закладывает страницу пальцем, чтобы поскорее вернуться к книге.

И сидя у стены, крепко обнявшись, плакали два человека, большой и маленький. Плакали горько и безутешно, как бывает только в детстве, когда любая случившаяся беда не имеет начала и конца, а только мгновенно наполняет мир, вытесняя из него всё остальное. Плакали, не заметив, что Лида ушла, что на улице наступили уже сумерки и в квартире стало почти темно, только свет от фары проезжающего на улице автомобиля, выхватывал из темноты неровные, будто рваные части мебели и игрушек. Плакали, чтобы никогда боль-

ше не ссориться, не огорчать и не давать повода проворачивать никуда не ведущие дыры, желая навсегда спрятаться друг от друга.

Если я могу это видеть

Анна Бухарова

Аркадий пришел в разгар вечера, как всегда без звонка, поэтому застал всю компанию в очень приподнятом настроении. Денис не удивился, пустил без комментариев, даже не указал, где спиртное брать – и так знает. Аркадия в этот раз алкоголь не интересовал, зато компания очень даже. Он сел на пол в углу, раскрыл ноутбук, чем и привлек к себе общее внимание. Денис, Санча, Юстас, Велта и Кирилл смотрели на него с искренним любопытством, а он бросал на них внимательные взгляды и делал какие-то пометки в ноуте.

– Ты чего? – напрягся Денис. Аркадий набрал на клавиатуре что-то длинное, захлопнул ноут и взглянул на компанию ясными глазами.

– У меня к вам дело есть. Вы мне понравились.

– Правда? – щелкнула пирсингом в губах Санча. – Ну, ты, похоже, тоже ничего.

– Надеюсь, это не больно? – усмехнулась Велта, откидываясь на пухлую спинку дивана и закидывая за голову руку без бокала.

– Нет, не больно, но очень интересно, – улыбка у Аркадия была как у рыбки-гуппи. – Кто знает про фармлабораторию моего отца?

– Я, – булькнул Денис, не успев отвести стакан от губ. – Знаю, что она есть.

Теперь Аркадий переместился в центр комнаты.

– В лаборатории разработали принципиально новое средство, однако сейчас мы не можем выйти на официальные клинические испытания. Нужны добровольцы. Состояние здоровья не особенно важно, так как средство не дает медицинского эффекта. Там скорее речь о психологическом воздействии. Но готовы поверить на слово, что ваша психика устойчива и вы не подвержены серьезным наркотическим зависимостям.

– Что, новый вид дури? – с интересом вскинулась Санча. – Не, я сама не пробовала никогда, но если испытания – могу, почему нет.

Аркадий безо всякого выражения посмотрел на эту девушку в черном свитере оверсайз, сапогах на тяжелой подошве, которые она не сняла даже в квартире, черная челка вразлёт. Разогретая выпивкой, Санча казалась очень общительной.

– Нет, не дурь, – кратко ответил Аркадий.

– Ну, можно же побольше деталей, да? – подал голос Юстас. – Тебе нужны добровольцы, не нам. Не скупись на подробности, друг.

Чтобы удобнее было слушать, все дружно закурили. Аркадий тоже, и сигарета в улыбке гуппи сделала его не таким официальным. Когда воздух в квартире уплотнился чуть не вдвое, Кирилл загасил очередную раскуренную сигарету

мимо пепельницы и подвел итог:

– Я согласен. Эти, полагаю, тоже. Мы же можем отказаться в любой момент, да? – Аркадий подтвердил движением рыбьих глаз. – Значит всё нормально. Не хуже лекарства от насморка, я думаю.

Велта красиво поднялась и сощурилась на Аркадия:

– Отчёты? Обследования? Какие-то ещё формальности?

– Я вам просто дам пакетики с таблетками, рекомендации и контакты вашего куратора от лаборатории. Будете наблюдать за собой, не реже раза в два дня описывать это в отчёте куратору, в экстренном случае свяжетесь с ним.

Некоторое время компания обменивалась взглядами, будто собирались силами перед стартом.

– Да, – сказали они почти хором.

(из записей Дениса) Таблетка была крупной. Её надо было растворить в воде (100мл) и выпить в 6 глотков.

Сначала я опасался побочных эффектов, в рекомендациях было сказано, что они могут быть при наличии явных психических отклонений и патологий. Психом меня никто не называл, но кто может за себя уверенно поручиться? Голова, как известно, предмет тёмный...

Неожиданно долго смотрел на вид из окна кухни, потом даже на балкон вышел. Это оказалось притягательно: графитные линии дорог и зелёные кляксы деревьев, пешеходы, дети на качелях, а самое главное – небо. Как называется этот

оттенков синего? Надо у кого-нибудь спросить. И что-то было во всем этом, неуловимое, тонкая фарфоровая пыль, запах ванили, колокольчик... Господи, это написал я?!

(из записей Кирилла) Мы сегодня с Юстасом зашли к Санче. Она сидела на полу над альбомом Ботичелли и плакала. Санча. Плакала. Над Ботичелли. Смотрела на Венеру и размазывала тушь по щекам. Кинулась нам говорить, что такого совершенства ещё не видела, это настолько красиво, что только слезы. А взгляд у самой, будто святой дух на нее снизошел, безудержное восхищение. Юстас камеру хотел у нее забрать, два месяца уже у Санчи валяется без дела. По-моему, у неё тогда можно было забрать всё на свете.

Вечером внезапно захотелось почитать, очень переживал, что у меня две с половиной книги и те по менеджменту. Первый попавшийся поэтический портал не спас: не думал, что так важно, чтобы стихи были красивыми. Поискал школьную классику – гораздо приятнее читать.

(из записей Велты) Я это чувствую! Движение и восторг, немного солнца везде, особенно внутри людей. Мне всех обнять хочется, даже рассказать им хочется о том, какие они милые. Бабушки и мамочки на площадке, кажется, очень удивились, что я так смотрю на их детей. А я и на них так смотрела, они же легкие, добрые, благородные лица, льется песня на просторе от общения с ними. Странно, что я рань-

ше мимо проходила, мимо искренней, природной красоты человека живущего, бегающего, лепящего куличики и плачущего маме в колени. Я сегодня два часа на площадке провела, играла с детьми. Взрослые смотрели сначала с испугом, потом с легким сочувствием («наверное, у самой детей нет, на чужих успокаивается»), усталой снисходительностью. Я различаю все эти оттенки? Неважно, неважно. Просто сегодня был какой-то невероятный день.

(из записей Санчи) Я дура, дура, дура и уродина! Потому что маленькая репродукция, изящная вещь, любое рукотворное нечто способно вынуть из меня поток слез от восхищения и ещё от того, что я не умею об этом говорить. Вчера я возвращалась от метро и на крыше моего дома сидело лиловое солнце, мягкое, яркое, вечернее, хотелось потрогать и заплакать. Потрогать я не могла, а постоять на полдороге к дому со слезами на глазах очень просто. Толкнул какой-то дядька, мол, я ему пройти не даю. Раньше бы послала не задумываясь, но заметила у него такие чудные волосы, что только отвернулась и пошла домой.

Чёрт, где моя одежда? Весь этот ворох невнятных тряпок чёрного цвета – зачем он мне?

(из записей Юстаса) Проверять алгебру гармонией, оказывается, очень просто. А еще – выводить алгебру из гармонии. Как расположить объекты в кадре так, чтобы сохра-

нить и геометрию, и очарование кадра? Это ладно, это только брать и пробовать. А сколько выверенной гармонии оказалось вокруг, во всем сразу, от облаков до окурков на асфальте! Вот Кирилл ходит и рассказывает всё словами, описывает, ищет как выразить невыразимое. А я всё равно хромой на слова, у меня только фотокамера (про которую я, кстати, забыл давно, чуть не потерял, дупло косое). Два щелчка: один – затвора аппарата, другой – по носу от зрителя. Если я могу это видеть, как я хочу это показать?

Велта смеялась. Я видел смеющуюся Велту и она была прекрасна. Она есть и она прекрасна.

В этот выходной они решили поехать к маленькому озеру, где так славно удавались рыбалка и посиделки с шашлыками. Только теперь у них было важное дело на всех, было необходимо, очень-очень нужно поговорить обо всем. Озеро было уединенное, но исключительно живописное, они это знали и без всяких таблеток. Изрезанные скалистые берега под шкурой смешанного леса, куски неба между облаков (здесь всегда были облака, даже в безоблачный зной), неровная тропа в кустарнике.

Вроде всё было как раньше. Юстас с криком прыгал с высокого берега, а потом бегал за всеми с фотокамерой. Санча собирала камни, ветки, цветы и песок, устраивала из них хаотичные инсталляции, а потом пела песни, похожие на призыв к войне. Кирилл и Денис занимались мясом, костром

и прочими мужскими делами, обсуждали работу, девушек, что там ещё можно назвать правильной темой для молодых мужчин. Велта меланхолично улыбалась и мусолила во рту травинку. Даже когда Санча надела на неё венок и захотела сверху посыпать песком (но Юстас отогнал), она не изменила настроения. До самых сумерек выходной на озере не отличался от таких же прошлых. Пока костер не стал ярче воздуха, пока не пришлось накинуть пледы на плечи и придвинуться ближе к огню, что сразу превратило их в тайное общество и можно было говорить о волнующем.

– Я не знаю, как вам, а мне это нравится, – негромко начала Велта. – Я про то, как таблетки действуют на меня.

Юстас еле удерживался от того, чтобы взять камеру и снимать, потому что эти лица, огонь, неплотная темнота, полутьма (который, конечно, не звучит на фотографии, но всё равно звучит). Пришлось говорить, чтобы отвлечься.

– Да, это какой-то другой мир. Я вижу все как никогда и даже не представляю, как я жил без этого. Это... словно жил с закрытыми глазами или смотрел только в одну точку, а теперь у меня объемное панорамное зрение. И всё это надо остановить, показать, чтобы запомнить или не знаю что, но это важно, очень.

– Очень важно, – подтвердила Велта. – Мне люди раньше вообще по барабану были, все, кто не близкие родные и друзья Люди вообще. Но там столько интересного, а главное, так... волнующе открываться им навстречу и чувствовать их

отклик.

– Да, гением общения ты никогда не выглядела, – небрежно сказал Кирилл. – Мраморная была какая-то.

– Вот и не хочу возвращаться в мрамор, – не обиделась Велта.

– У нас в жизни реально что-то изменилось или так, просто мозги затуманены? – громким голосом спросила Санча. – Меня, например, с работы скоро выпрут, всем надоели мои рассуждения о женской красоте эпохи Возрождения.

– Ты и выглядишь по-другому, одеваешься, по крайней мере. – ответил ей Денис. – Чтоб я тебя когда в желтой блузе видел, даже не помню.

– Это было в детском саду, мы еще не были знакомы, – улыбнулась Санча.

Две минуты было тихо. Две минуты – Денис почти слышал, как тикает невидимый секундомер, и считал. Он стал замечать много разных деталей, иногда чересчур. Раньше он был в растерянности, ведь что-то надо было со всем этим богатством

делать. Потом успокоился и дал этому изобилию быть, не ожидая ничего и не стремясь все использовать. Зазвучал голос Санчи, она что-то напевала, негромко и чисто, брызгами воздуха, фарфоровой пылью, словно из недр северной ночи.

– Кирилл, что у тебя с той девочкой из офиса? Стихи ей уже читал, цитатами обволакивал?

– Ох, Юстас, тебя б... – прервалась Санча

– Знаешь, читал. Раньше мне казалось, что она как все: кафе, кино, проводил, поднялся на бокал кофе. Когда был дождь мы ещё не дошли до дома, без машины, вымокли, как щенки. Она стоит, почему-то смеётся, а я зачем-то начал стихи читать, сначала чужие. Красивые, она даже смеяться перестала. И ей нравилось, она попросила ещё почитать. А дома у неё меня с бокала повело и я прочитал свои.

– Твои стихи? Ты стал писать? Вот это новость для верхних строчек новостных агентств. – не удержался Юстас.

Санча опять запела, а Кириллу расхотелось отвечать и вообще разговаривать. Хотелось просто смотреть на огонь, на рдеющую под ногами землю. Вдруг сказал:

– А поздно уже, правда?

Велта очнулась от своих мыслей. Денис кивнул. Юстас забеспокоился, что не успел, не успеет рассказать огромную тайну-удачу, только вчера на него свалившуюся.

– Мои снимки стали очень популярны

– Ещё бы, – перебила его Санча, – ты ими весь интернет завалил.

– Ладно, завалил. Но они популярны, вот в чем штука. Люди понимают, о чём эти снимки, да? А самое главное, что мне предложили в выставке поучаствовать. – Юстас не дождался восторженных охов и продолжал – Очень хочу это испытать, когда твои... мои работы будут в большом формате, в зале с хорошим светом. Дело не в тщеславии, а в том,

чтобы это увидели, алгебру, гармонию, всё это совершенство вроде бы несовершенного.

Он выдохнул, а Велта улыбалась ему. От приоткрытого окна сильно сквозило, а так не хотелось болеть, когда жизнь каждый день взрывалась новыми фейерверками ощущений. Денис не пересел, он торопился закончить отчёт, скучнейший квартальный отчёт по заказам, который обязателен для всех менеджеров их не крупной полиграфической фирмы. На месте руководства Денис, скорее всего, точно так же заставлял бы всех писать отчёты. Но он был на месте менеджера, в руководство не стремился и отчёт воспринимал, как неизбежную рутину. Зарабатывать на своем видении прекрасного, как Юстас, он ещё не научился. Пара часов – и можно будет свалить хоть куда, на ближний парковый пруд, к примеру, не пропадать же выходному совсем. И Санчу позвать, с ней веселее.

На предпоследней странице отчета позвонил Аркадий.

– Ты, верно, хочешь нам ещё таблеток подкинуть, – с патетическим восторгом начал разговор Денис.

– Нет. – Тон Аркадия резко контрастировал с энтузиазмом Дениса. – Я должен сказать, что исследования прекращаются, по крайней мере, относительно этих таблеток. Во-первых, первичный материал собран. Во-вторых, лаборатория не может себе позволить так долго заниматься проектами на отдалённую и невнятную перспективу, надо и деньги делать. Есть другое направление, которое принесёт хорошую

прибыль, поэтому работа с этими таблетками сейчас прекращается.

– Ты говоришь как сукин сын, – совсем не эмоционально сказал Денис и отключил телефон.

Потом он тысячу раз пожалел об этом, потом он звонил Велте и просил её пригласить Аркадия вечером к ней в гости, потому что это важно, фундаментально важно. Велта звонила и добрым голосом, ещё не зная последних новостей, пригласила Аркадия на выдуманный сходу торжественный вечер. Всё, что угодно, бормотал Денис, лишь бы он пришёл.

Он пришёл. Не ведающая ничего компания встретила его приветственным гулом, Аркадий даже решил, что это вечеринка в честь закрытия проекта. Только вот Денис держался где-то между его спиной и выходом из комнаты.

– Аркадий, мы тебе так благодарны за то, что именно на нас вы испытываете эти таблетки, – взмахивал бокалом Кирилл.

– Да, столько замечательного каждый день! Я только лет в пять за собой такое помню. – Санча сияла.

– А теперь, сукин сын, скажи им это в глаза, – жесткий голос Дениса озвучил то, чего Аркадий так сильно опасался.

Собрание замерло; все видели, как изменился взгляд Аркадия, но приподнятое настроение мешало понять, что происходит.

– Я должен сказать, что исследования прекращаются, по крайней мере, относительно этих таблеток. Во-первых,

первичный материал собран. Во-вторых, лаборатория не может себе позволить так долго заниматься проектами на отдаленную и невнятную перспективу, надо и деньги делать. Есть другое направление, которое принесет хорошую прибыль, поэтому работа с этими таблетками сейчас прекращается. Голос его был бледен, то твёрд.

– Даже слово в слово повторил, – оценил Денис. – Чётко.

– Ваши отчёты будут сохранены в архиве, всё же результаты могут пригодиться в будущем, – механически продолжал Аркадий, стараясь не бегать глазами. – Очень интересные результаты. Спасибо за сотрудничество. Полагаю, вы тоже довольны проведённым экспериментом.

– То есть на этом всё? – глупо уточнила Велта, и так ясно, что всё.

– Ну, вы просто вернётесь к прежней жизни, – неуверенно повел головой Аркадий. – Может, какой-то эффект от таблеток закреплён насовсем, я не знаю. Надо бы выход из эксперимента тоже закрепить в отчётах, но поскольку проект закрыт... Можете оставить записи по собственному желанию, это будет интересно.

– Нас кинули, – Юстас был настроен мрачнее всех. Он только что участвовал в большой выставке, его заметили не только народные массы в интернете, но и признанные фотохудожники, арткритики и галеристы. Для Юстаса всё только начиналось, но только что Аркадий одним махом развалил лестницу, ведущую его вверх.

– Я же толком не знаю, сохранится эффект или нет, – подчеркнул Аркадий. – Не исключено. А значит, вам хуже не будет. Всё. Всего доброго, мне пора.

Он проскочил мимо Дениса, никто и не дёрнулся его остановить. Им нужно время, чтобы понять и привыкнуть, а желание убить его возникнет позже. Хлопнула дверь. Ещё не накрывало паникой, не заползала тоска.

Двадцатый день декабря в Праге – это сказка в самом волшебном воплощении. Огромная елка на Старой площади и затмевающие её витрины магазинов со всякой милой шелухой.

Китайские туристы щебечут около загонов с осликами и козликами – рождественская забава чешской столицы «покорми скотинку» всегда очень популярна у туристов. Пряничные мотивы на улицах, пряничные ароматы на ярмарках, умопомрачительный запах сладкого, холодного, блестящего Рождества. Соблазны традиционные и необычные, классический вид пражских улиц и площадей в современной иллюминации. Много людей, но не толпой, а любопытными компаниями. Денис стоял на Вацловской площади, попал сюда со случайной компанией и так же случайно вывалился из нее. Капюшон серого неба над городом приглушал яркость огней днём, ночью обязательно будет по-другому: праздник займет всю мостовую и усядется на крышах и шпилях, чтобы дудеть в свою золотую трубу счастья. Денис всё

ещё пытался подбирать свои ощущения, сравнивать запахи с огнями, улицы с лицами, искать краски для слов и чувств. Это не давалось так легко, как когда-то, как год назад, даже больше.

Около широкого прилавка стояли большие синие емкости. Рождественские карпы снуло толкались в них, покорные роли обязательного блюда на праздничном столе. Любопытные дети заглядывали к ним («Ух ты, говорящая рыба! А желания исполняют?») и снова мчались успеть за всеми рождественскими диковинками. Денис тоже подошел к прилавку с вялым интересом, показал знаками торговцу, что «пан не желает карпа», а отвернувшись от рыб, увидел Аркадия. Тот стоял на случайно безлюдном пяточке площади и говорил с кем-то по телефону.

– Привет, – сказал ему Денис совсем негромко, но он услышал, как, наверное, слышат друг друга в многоязычной толпе те, кто говорит на одном языке.

В тёплом, но безликом кафе они нашли время и место пообщаться. Поначалу Аркадий будто стеснялся отступить от нейтральных тем про погоду, праздники, Прагу. Денис сам напомнил ему про таблетки.

– Я же злился на тебя, даже не представляешь как. Все злились.

– Представляю, очень представляю, – усмехнулся Аркадий и заметно успокоился. – Поэтому свалил как можно быстрее, сразу как сообщил вам пренеприятнейшее изве-

стие. Слушать вы не могли, а морду набить вполне. Я пытался смягчить удар, сказать, что как приём таблеток по-разному действует на людей, так и прекращение приёма. То есть не обязательно вы бы расстались со своими приобретениями.

– Ведь и правда всё по-разному получилось, – подтвердил Денис. – Просто все ждали одинакового чуда, даже если бы пришлось долго до него добираться.

– Расскажи, что у ребят произошло, – осторожно попросил Аркадий.

Денис тоже начал осторожно, не то вспоминая, не то обдумывая те события.

– Ты прав, вышло по-разному. Кирилл, которому вдруг открылась красота слов, поэзии, художественной выразительности, сейчас почти забыл всё. Но ему проще всех, он женился и довольно счастлив. Успел очаровать девушку красивыми словами. Вот Санча...

...они зашли к Санче с Кириллом и Велтой, было плохое предчувствие, беспокойно и липко на душе. Неделю её не было слышно, неделю – и это оказалось безвозвратно много. Санча танцевала под собственные напевы, ломалась телом в странные позы, скакала по дивану. Увидела их, обрадовалась, что зрители пришли. Подскочила к Велте, а Велта посмотрела ей в зрачки, там даже не надо было быть специалистом, чтобы понять.

– Да! – кричала Санча. – Одни таблетки на другие! И сейчас мне ещё лучше!

Она закружилась на месте, Кирилл поймал её крепко-крепко, и она смотрела прямо ему в глаза своими, нездешними.

– Мало! Мне без них всего мало! И когда тот козёл отнял таблетки, мне было очень больно. А сейчас хорошо, и ещё пару часов будет хорошо, а потом всё равно спать. Да отпусти ты меня наконец, отпусти, сказала!

Санча подскочила к окну, подняла легкую тюль нежно-медного оттенка и покрыла ею голову, запахнулась концами.

– Вот вам – рождение Венеры!

Картинно закатила бессмысленные глаза, обмахивая себя тканью.

– Зато я красивая. Красивая! И солнце красивое! И вы красивые. Только уйдите уже.

Они смотрели на Санчу, на их Санчу, которая стала обиженным чудовищем, и если не смеялась, то заплакала бы или стала кусаться.

– Уйдите! – крикнуло чудовище, а Санчи не было, не сейчас, приходите завтра.

– Ну, крышу сносит в меру предрасположенности. И не сейчас, так потом с ней что-нибудь подобное произошло бы.

Спокойствие Аркадия не было жестокостью, ему правда

было всё равно.

– Вот Юстас, например, пришел со мной разобраться, кричал много, руками размахивал... Где он теперь?

...Иногда от Юстаса приходят письма на электронную почту. Они куцые и полные разочарования в себе. Но приходят, потому что ему надо кому-то написать. Когда Юстас перестал видеть мир особенным, его фотографии превратились в ничто. То, чем он наполнил свою жизнь, рассыпалось нелепыми объектами, безликой грудой вещественного мира. Юстас стал слепым котенком, он натывается на предметы, но чувствует в них только преграду, о которую бьётся его желание понять. Щедрая волна внимания к его работам и его жизни ударила мощью отлива ничуть не слабее, протаскала лицом по камням и песку, заставила хлебать свою беспомощность, оставила наедине с самим собой. Однажды Юстас удалил все свои страницы в интернете, отказался от общения со всеми, пропал отовсюду. Денис боялся, что он собирается повторить путь Санчи, но всё обошлось. Юстас появился у Дениса рано утром в воскресенье, принес какие-то книги, которые обещал ему пару жизней назад, сказал, что улетает в Марокко. Потом напишет. Кажется, у него остался фотоаппарат, все-таки не смог расстаться. Иногда он пишет Денису электронные письма, очень редко, ведь на африканском континенте не везде есть интернет. За неполный год Юстас забрался в самую тайную Африку и только поэтому не сошёл с ума. Прошлый Новый год он молчал на берегу Атлантиче-

ского океана под Либервилем, этот проведет в Дар-Эс-Саламе, созерцая в одиночестве Индийский.

– Лучше всех Велте, – не спеша продолжал Денис. – Всё осталось при ней, её добрые чувства к старикам, детям и прочим двуногим никуда не делись. Хоть завидуй. Мы будто загорелись и погасли, а она продолжает гореть ровным теплом. Говорит, что не боится, если это пройдет. Хотя – я давно её не видел, так что не знаю точно, как у неё дела.

Аркадий щёлкал зажигалкой. Официант тихо напомнил ему, что курить в кафе нельзя, но щёлкать-то можно, ответил Аркадий.

...Велта нашла его через четыре дня и пригласила к себе. Получалось, что на свидание, но такое, своеобразное.

– Мне нужны эти таблетки, обязательно нужны. Я же знаю, что у тебя они есть, или есть возможность их достать, сделать, создать заново. Сделай это для меня. А я сделаю так, что тебе будет приятно... сделать это для меня.

От неё веяло шёлком и свежим ветром, горячей ночью, прохладой глубокого колодца. Аркадий хорошо это чувствовал и не знал, куда удобнее поставить свой уже пустой стакан, пить хотелось ужасно, но зачем вода, если он рядом с таким источником. Да, он мог принести ей таблетки, ведь исследования планировались на долгое время и запас был. Даже когда он иссяк, их оказалось несложно производить, надо было только хорошо заплатить сотрудникам лаборатории, дать им

такой заказ. Он платил, потому что была женщина, которой они нужны, а ему нужен был источник счастья внутри этой женщины. Потом он стал жалеть её и себя за такое искусственное счастье и стал приносить ей «пустышки», она не замечала и не менялась. Аркадий понял, что теперь он больше не нужен, как это ни печально, но и печалился он недолго. Оставил большой запас «таблеток» и оборвал их отношения совсем. Ладно, проехали...

– А ты? – наконец, спросил он Дениса.

– Я, наверное, не проявил особенных талантов в своих отношениях с этим прекрасным миром. Тогда просто всё было ярко, выпукло, я замечал детали и оттенки всего: цвета, света, звука, линий, человеческих проявлений. Даже пытался описывать ощущения словами, конечно, получалось бледно и странно. А теперь я иногда стою и принимаю, прислушиваюсь, ищу прежние оттенки и не могу их поймать. Но, знаешь, для старшего менеджера это не обязательно. Грустно как-то, хоть и праздники.

Денис смотрел на улицу через окно в обрамлении еловых ветвей, и может быть, ждал, что мир обернётся, подмигнёт и снова дохнёт на него яркой жизнью. Монотонные щелчки зажигалки сообщали, что не будет этого.

– Другие тоже ищут красоту и яркие грани мира. Некоторые, вроде, даже находят, – обнадежил Аркадий и расплатился по счёту.

Они вместе вышли из кафе, небрежно пожали друг другу

руки и кивнули «пока», чтобы разойтись, видимо, навсегда.

Радио «Боль»

Илона Вандич

Верный способ испортить отпуск – закончить его визитом к психотерапевту. Хотя нет, есть способ и получше – например, провести весь отпуск по совету психотерапевта. И именно им Тим и воспользовался. А теперь сидел в уютном кресле, с мягкой плюшевой обивкой цвета белого медведя – таким креслам место на даче или в спальне, а не в больничных кабинетах, – и не мог понять, что он сам здесь делает. Неужели до сих пор надеется, что кто-то ему поможет и он снова вернется к нормальной жизни? Сможет радоваться, смеяться, получать радость?

– Как провели отпуск? – участливо спросил психотерапевт.

– Тоскливо, – вздохнул Тим.

– Не понимаю, – покачал головой Герман Анатольевич, – почему у вас вызвал тоску Прованс? Я бы понял, если бы вы были в Тоскане...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.